

Когда Луи снова вошел в Национальное собрание, он обнаружил, что собрание немного отличается от того, что было в прошлый раз.

К тому времени, когда советники начали по очереди выступать, Луи обнаружил, что если в прошлый раз заседание советников выглядело как бессистемная смесь, когда каждый говорил, как хотел, то сегодня они были четко разграничены.

Справа от трибуны находились все члены парламента, согласные с идеей конституционной монархии, от их имени выступал маркиз Лафайет, а остальные ему вторили.

Эта фракция в основном считает, что постоянная система ответственности премьер-министра и Учредительное собрание уже представляют собой победу народа и завершение их миссии, и что принятие этих двух актов должно привести к роспуску Учредительного собрания и началу выборов для формирования настоящего Национального собрания. Эта фракция имеет около 264 членов парламента.

По левую сторону трибуны находились советники, разделявшие республиканскую идею и соглашавшиеся с тем, что миссия Учредительного собрания еще не завершена, но расходившиеся во мнениях относительно его незавершенной миссии.

Советники, представленные журналистом Бриссо, считали, что Учредительное собрание не может быть распущено до снятия феодальных обязательств.

Советники, представленные адвокатом Робеспьером, который сидел высоко на левой стороне платформы, утверждали, что в задачи Учредительного собрания должны входить, помимо отмены феодальных обязательств, меры по дальнейшему ограничению полномочий короля, а еще более радикальные советники утверждали, что все полномочия короля должны быть отменены, и он должен стать простым символом Франции. Вместе эти две фракции парламентариев насчитывали примерно 136 человек.

Однако 345 членов парламента, оставшихся сидеть в нижней части зала, явно не имели собственных идей и не были представлены кем-то, причем одни поддерживали идеи маркиза Лафайета, а другие — Бриссо и Робеспьера.

Но теперь речи, кажется, стали немного более благосклонны к идеям маркиза Лафайета. И конституционные монархисты, и республиканцы постоянно выходили на сцену, чтобы заручиться поддержкой центра.

В то время как Луи слушал с большим интересом, дворянин средних лет, сидевший сидевший в центристской позиции, встал и попросил разрешения выступить, и с улыбкой сказал: «Почему бы нам всем не выслушать королевское мнение и не узнать, что скажет королевский представитель, Его Высочество Дофин?».

Луи был удивлен внезапным нападением мужчины. Он с раздражением посмотрел на него.

Как бы он ни хотел распустить Учредительное собрание, чтобы защитить свою голову, но было ли это действительно хорошей идеей делать это сейчас?

Либеральная аристократия действительно получила права короля и осуществила свои собственные чаяния, но буржуазия и городское население, французские крестьяне, так сказать, ничего не получили.

Не были отменены феодальные обязательства, не были отменены привилегии феодальной системы, не было умиротворения городского престолярства и сельского крестьянства.

Что они будут делать? Боюсь, что в день роспуска Учредительного собрания народ Парижа восстанет.

С этими мыслями Луи встал: «Приветствую вас, члены Учредительного собрания. Вы — лучшие и самые яркие мужчины и женщины сегодняшней Франции. Под вашим руководством Франция вступает в новую эру, новую Францию, которая будет цивилизованной, передовой и научной. Эта новая Франция будет страной, где будут обеспечены старики, где будут обеспечены молодые, где будут обеспечены вдовы, сироты и инвалиды, где у мужчин будет работа, а у женщин — дом. Прекрасный новый мир, где ни один дом не будет закрываться на ночь.

И чтобы показать свою искренность, король приказал перенаправить заключенных Бастилии, которая больше не будет существовать исключительно для политических заключенных».

Луи взял паузу, а затем продолжил: «Не ребенку судить о том, выполнило ли Учредительное собрание свою миссию. Но, по моему мнению, как вы можете не иметь более великой политической декларации, чем американская Декларация независимости, чтобы помнить о великолепном новом мире, который вы пытаетесь построить? И слава ваших парламентариев, несомненно, будет увековечена ею».

Когда Луи подошел к трибуне, зал был шумным. Никого не волновала речь семилетнего ребенка, даже если он был наследным принцем, и все равно, когда Луи подошел к подиуму, раздался гул частных разговоров. Но когда Луи начал описывать новую Францию, воцарилась мёртвая тишина.

После страстной речи Луи в зале по-прежнему было очень тихо.

Это заставило Луи удивиться.

Не правда ли, сказал себе Луи, что члены Национального собрания в 1789 году были очень восторженными и страстными? Разве не по инициативе собственного народа они приняли Августовский акт, отменивший все феодальные повинности и полномочия, и знаменитую Декларацию прав человека? Даже если эти два указа были приняты за счет части собственных интересов.

Дворянин средних лет, сидевший в центристской позиции, смотрел из стороны в сторону, полагая, что молчание было выражением недовольства речью Луи.

Но прежде чем он успел открыть рот, два члена Совета встали первыми, чтобы выразить свое почтение Луи.

Одним из них был Робеспьер, а другим — маркиз Лафайет.

Во главе с этими двумя раздался гром аплодисментов, один за другим советник за советником вставали, чтобы отдать дань уважения Луи, независимо от того, соглашались ли они с ним в душе или нет.

После этого парламент перестал интересоваться тем, выполнена ли его миссия. Вместо этого он как можно быстрее принял пересмотренную систему кабинета премьер-министра, выборы в Национальное собрание и создание «Журналь де Франс».

Затем парламентарии полностью переключились на обсуждение политического манифеста, который увековечит их репутацию.

Когда Луи вернулся на свое место, он спросил Альфреда: «Тот дворянин, который только что заставил меня говорить, кто он?». — Луи спросил это с раздражением.

«Ваше Высочество, это был Филипп II, герцог Орлеанский». — прошептал Альфред.

Герцог Орлеанский, был могущественным человеком. У него появилась новая вражда до того, как закончилась старая. Луи вздохнул.

Последовавшие затем речи членов Учредительного собрания были обыденны.

Во второй половине заседания Учредительное собрание объявило перерыв. Конституционные монархисты, включая маркиза Лафайета и графа де Мирабо, официально пригласили Луи в клуб сегодня вечером, на что он согласился.

А советник Сьерраса обращается к Луи, чтобы обсудить создание французской ежедневной газеты «Журналь де Франс».

С холодным, серьезным выражением лица он сказал Луи: «Журнал де Франс» должен быть создан как можно скорее, кто будет представителем короны, Ваше Величество?».

«Я». — спокойно ответил Луи.

«Что ж, каково ваше видение Журналь де Франс?».

«Я предлагаю просто купить отделение газеты и расширить штат, так почему бы нам не начать с сегодняшней встречи, как вы думаете?».

«Сегодня? Есть ли у вас какая-нибудь газета на ваш выбор, Ваше Высочество?».

«Нет. Есть ли у вас какие-либо рекомендации?».

Сьерраса окликнул проходившего мимо Бриссо: «Советник Бриссо, не знаете ли вы какие-нибудь газеты на продажу?».

Бриссо, узнав, что речь идет о создании французской ежедневной газеты, решил пожертвовать свою собственную газету, «Френч Патриот».

Луи предложил заплатить за газету, на что Бриссо без раздумий ответил отказом: «Я пожертвовал эту газету ради Франции, а не ради короля».

Луи был в смущении, но сказал с вынужденной улыбкой: «Высокая мораль советника Бриссо, конечно, достойно восхищения, но «Журналь де Франс» — официальная ежедневная газета Учредительного собрания. Цель «Журналь де Франс» — информировать народ Франции о вкладе, который вносят в жизнь французского народа члены Национального собрания. И я предлагаю продать вашу газету, чтобы, во-первых, «Журналь де Франс» как можно скорее распространился по всей Франции, а во-вторых, чтобы «Журналь де Франс», как официальная газета, не занимала никакой позиции, кроме констатации фактов. Поэтому не ожидается, что кто-то будет оказывать влияние на Журналь де Франс. Что касается денег, внесенных Короной, то они также являются авансом для Парламента и будут возвращены Короне, когда он примет

предложение об ассигнованиях».

Выслушав его, Бриссо немного подумал и согласился продать свою газету парламенту за 1 000 франков, предложив себя в качестве главного редактора.

Луи попросив Бриссо пообещать не изменять протоколы речей, произнесенных на собрании, согласился купить «Френч патриот», переименованный в «Журналь де Франс».

Он также заплатил еще 15 000 франков за расширение штата сотрудников газеты и за дополнительную печать и продвижение. С Съеррасом была достигнута договоренность о методе рецензирования небольших образцов газеты.

Расставшись с ними, Луи вернулся в свой кабинет и сделал небольшой перерыв в ожидании вечерней встречи.

<http://tl.rulate.ru/book/71880/2029258>